

© 1999 г. А.Л. МАЛЬЧУКОВ

ПЕРФЕКТ И ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В ТУНГУССКИХ ЯЗЫКАХ

(ОПЫТ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ДИАХРОНИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)*

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Настоящая работа посвящена описанию перфекта и его эвиденциальных¹ функций в тунгусских языках в синхронном и диахроническом аспектах. Наличие перфекта со значением неочевидности, как известно, представляет собой грамматическую изоглоссу, отмеченную для ряда языков Евразии (в частности для тюркских и финно-угорских). Правда, в одних тунгусских говорах (удэгейский язык, западно-эвенские говоры) эвиденциальная семантика перфекта обнаруживается более явно, чем в других. Как будет показано ниже, это имеет отчасти диахроническое объяснение: одни тунгусские языки еще не достигли эвиденциальной стадии на пути развития (статального) перфекта в форму претерита (немаркированного прошедшего), другие уже миновали ее.

В разделе 2 рассматривается эволюция перфектных форм в северо-тунгусских языках и обсуждаются факторы, влияющие на становление (конвенционализацию) эвиденциального значения – как структурные, так и внешние (следствие языковых контактов). В разделе 3 анализируется сходная функциональная эволюция перфекта в южно-тунгусских языках, которые также демонстрируют диахроническую связь между засвидетельствованностью и аффирмативностью (значением категорического утверждения), которая хуже документирована типологически. Наконец, в разделе 4 пути развития временных форм в тунгусских языках обсуждаются в связи с гипотезами об универсалиях функциональной эволюции, высказанных в работе [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994].

СПРАВКА

Тунгусские языки (т.е. собственно тунгусские, за исключением маньчжурской ветви, которая далее не рассматривается) традиционно делятся на две группы: северо-тунгусские, иначе эвонкийская или сибирская ветвь, и южно-тунгусские, иначе нанийская или амурская ветвь (о классификации тунгусо-маньчжурских языков, см. [Цинциус 1949; Суник 1962; Dörfer 1978]). К северо-тунгусским относятся эвенский, эвенкийский,

* Автор выражает благодарность своим коллегам по отделу алтайских языков и лаборатории типологического исследования языков (ИЛИ РАН) за полезное обсуждение доклада, положенного в основу настоящей статьи, а также В.С. Элрике, В.Г. Белолобской и Л.Ж. Заксор за консультации по эвенскому и нанайскому языкам. Пользуясь случаем, выражаю особую признательность Н.А. Козинцевой и Ларсу Юхансону, привлечшим мое внимание к проблематике эвиденциальности.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, номер проекта 96-04-06071.

¹ В соответствии с работами [Chafe, Nichols 1986; Willet 1988; Козинцева 1994], под эвиденциальностью здесь понимается (глагольная) категория, указывающая на источник получения информации – прямой (непосредственное наблюдение) либо косвенный (сообщение другого лица / умозаключение и т.д.). В отечественной грамматической традиции формы прямой эвиденциальности обычно именуются формами очевидности (или засвидетельствованности), формы косвенной эвиденциальности – формами неочевидности (соответственно, незасвидетельствованности).

также негидальский и солонский языки (иногда рассматриваются как диалекты эвенкийского, возникшие в результате контактов с южно-тунгусскими и монгольскими языками, соответственно). К южно-тунгусским относятся нанайский, ульчский, орокский, удэгейский и ороцкий (последние два языка обнаруживают ряд признаков, сближающих их с северо-тунгусскими).

В типологическом отношении тунгусские языки во многом типичны языки "алтайского типа": в морфологическом отношении это агглютинативно-суффиксующие, в синтаксическом отношении – языки номинативного строя с порядком слов SOV. В притяжательной группе подчинительные отношения маркируются при помощи притяжательных показателей на определяемом (по типу тюркского "2-го" изафета). Все тунгусские языки в той или иной степени обнаруживают противопоставление между двумя рядами предикативных форм: глагольными формами (старая формация) и причастными формами (новая формация). Эти два ряда форм различаются синтаксически (первые монофункциональны, вторые употребляются также в атрибутивной и субстантивной позициях), а в известной степени и формально. Глагольные формы, как правило, оформляются особым рядом лично-предикативных окончаний, в то время как причастные оформляются лично-притяжательными окончаниями. И та и другая серия личных окончаний в конечном счете восходит к личным местоимениям, но лично-предикативные окончания более грамматикализированы формально – подверглись большей редукции.

2. ПЕРФЕКТ И ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В СЕВЕРО-ТУНГУССКИХ ЯЗЫКАХ

Ниже рассматривается семантическая эволюция перфекта на *-ча*² в северо-тунгусских языках. В подразделах 2.1–2.3 дано описание семантики перфекта в системе временных форм в отдельных северо-тунгусских языках. В заключительном подразделе представлена диахроническая интерпретация данных синхронного анализа.

2.1 ЭВЕНСКИЙ ЯЗЫК

2.1.1. Перфект в составе временной парадигмы. Ядро эвенской временной парадигмы индикатива составляют следующие формы: будущее на *-ди*- (в дальнейшем не рассматривается), аорист на *-ра*-, имперфект на *-ри*-, перфект на *-ча*. Грамматический статус этих форм различен. Формы аориста относятся к собственно глагольным формам: они монофункциональны и принимают при спряжении серию глагольных суффиксов. Временная интерпретация форм аориста зависит от акциональной семантики глагольной основы (см. [Роббек 1982: 32–42]; ср. [Новикова 1980: 68–69]): образуясь от предельных глаголов, эти формы обозначают действие в недавнем прошлом, а образуясь от непредельных глаголов, относят действие к плану настоящего: ср. *эм-рэ-н* 'он (только что) пришел' и *хон-ра-н* 'он плачет'.

Имперфектная форма (типа *хонг-ри-н* 'он [тогда] плакал'), развившаяся из причастия настоящего времени, при спряжении принимает именную (притяжательную) серию личных показателей. Наконец, перфект представляет собой причастную форму, которая, как и другие причастия, употребляется в атрибутивной, субстантивной и предикативной позициях. В последней позиции перфектное причастие подобно другим именным предикатам не способно оформляться личными показателями (хотя и согласуется с подлежащим в числе; см. (4)); категория лица в этом случае выражается перифрастически – при помощи спрягаемой связки *би*- 'быть' (в 3-ем лице связка опускается).

В эвенских диалектах форма на *-ча* выражает следующие значения: 1 – перфект (акциональный), см. (1); 2 – результатив (иначе, перфект состояния)³, см. (2); 3 – косвенная эвиденциальность (неочевидность), см (3)⁴.

² Здесь и далее приводятся основные варианты суффиксальных морфем. Алломорфия в суффиксальных морфемах обусловлена воздействием гармонии гласных и ассимилятивными процессами.

³ В соответствии с определением В.П. Недялкова и С.Е. Яхонтова [Недялков В., Яхонтов 1983: 7], результативом здесь именуется глагольная форма, обозначающая состояние, предполагающее предшествующее действие.

⁴ При представлении иллюстративного материала используются следующие сокращения: АОР – аорист;

(1) *Акму укал хѳр-чэ*

брат – 1Ед уже уйти – ПЕРФ
"Мой (старший) брат уже ушел".

(2) *...Бѳѳдэлэ-тэн, нгаала-тан чэлгэм-чэ, хаан-да урэ-тэн хѳки-чэ*

рука – 3МН нога – 3МН сломать – ПЕРФ другой – ЧАСТ живот – 3МН распороть – ПЕРФ "Руки и ноги у них были поломаны, а у некоторых распороты животы" (пример из [Новикова 1980: 134]).

(3) *Этикэ-екэн мут хут-у-т дѳрми-гра-ча*

старик – ДЕМИН.ИМ наш дети – ВИН – 1МН красть – ИТЕР – ПЕРФ
"Оказывается) старичок крал наших детей" (пример из [Лебедев 1978: 117]).

В центральных и западно-эвенских диалектах значение неочевидности может быть признано основным значением перфектной формы, поскольку последняя обнаруживает ограничения на употребление в 1-м лице, значение которого вступает в конфликт с семантикой неочевидности. В этом случае употребление перфектной формы ограничено контекстами, в которых действие не контролируется субъектом:

(4) *Эгден мѳдэн эвгидэ-ду-н нулгэ-сэн-чэ-л би-сэ-п*

большой половодье перед – ДАТ – 3ЕД кочевать – МОМ – ПЕРФ – МН быть – АОР – 1МН
"Оказывается, мы выехали как раз перед большим наводнением".

Реализация (акционально-)перфектного значения, как правило, требует сильных контекстов, таких, как наречие *укал* 'уже' в (1).

2.1.2. Диалектные расхождения в употреблении перфектной формы. Как было отмечено выше, значения перфектной формы неравномерно распределены по эвенским говорам. В восточных говорах форма на *-ча* преимущественно употребляется в результитивной функции (см. (2) выше). В качестве нарративной формы в случае реалистического повествования (жанр тэлэнг), как правило, выступает имперфект, в сказочном повествовании (жанр нимкан) – чаще аорист.

Центральные и западно-эвенские говоры обнаруживают экспансию формы на *-ча* в качестве повествовательной формы за счет форм имперфекта и аориста. Ниже указано процентное соотношение этих форм в фольклорных текстах, записанных от представителей разных диалектных групп (подсчеты для восточных (ольского), центральных (момского) и западных (аллайховского) говоров проводились по текстам, представленным в [Новикова 1980; Лебедев 1978; Дуткин 1980], соответственно):

диалекты	-ра- (аорист)	-ри- (имперфект)	-ча (перфект)
вост.	63	37	–
центр.	39,3	15,1	45,6
запад.	30,5	–	69,5

Любопытно, что распределение этих форм в диалогах обнаруживает меньше диалектных различий по сравнению с повествованием. Так, материалы западных говоров (в пределах той же выборки) показывают, что форма на *-ри-* сохраняется в диалогической речи для обозначения событий прошлого, локализованных во времени, а форма на *-ча* ограничена контекстами прошедшего незасвидетельствованного. Таким образом, и в западно-эвенских говорах перфект ещё не развился в немаркированную форму прошедшего времени.

Возрастающая экспансия перфектных форм в эвенских говорах по мере движения с востока на запад, по-видимому, имеет внешний источник. Как представляется,

ВИН – винительный падеж; ДАТ – дательный падеж; ДЕМИН – деминутив; ЕД – единственное число; ИМ – именительный падеж; ИТЕР – итеративный способ действия; МН – множественное число; МОМ – мгновенный способ действия; НАСТ – настоящее время; ПЕРФ.ПРИЧ – перфектное причастие; ПРЕЗ. ПРИЧ. – причастие настоящего времени; ПРОШ – прошедшее время; ЧАСТ – (энклитическая частица).

эвенская перфектная форма калькирует значение якутского перфектного причастия на *-быт* (соответствующего форме на *-мыш* в ряде других тюркских языков). Якутская причастная форма на *-быт*, как известно, имеет два различных употребления [ЯГ 1982: 310–312]: а) в комбинации с личными показателями посессивного типа она используется в значении формы давнопрошедшего времени; б) в оформлении глагольными личными показателями она имеет значение результативно-эвиденциальной формы. Ниже эти два разряда форм проиллюстрированы для глагола *бар-* ‘пойти’.

	Давнопрошедшее время		Результативно-эвиденциальная форма	
	ЕД	МН	ЕД	МН
1-е л.	<i>бар-быт-ым</i>	<i>бар-быт-ным</i>	<i>бар-быт-нын</i>	<i>бар-быт-ным</i>
2-е л.	<i>бар-быт-ынг</i>	<i>бар-бык-кыт</i>	<i>бар-бык-кын</i>	<i>бар-бык-кыт</i>
3-е л.	<i>бар-быт-а</i>	<i>бар-быт-тара</i>	<i>бар-быт</i>	<i>бар-быт-тар</i>
	‘я (ты...) давно пошёл’		‘я (ты...), оказывается, пошёл’	

В ходе семантической интерференции обе якутские формы оказались, по-видимому, контаминированы в сознании двуязычных эвенов. С одной стороны, форма давнопрошедшего времени стоит ближе к эвенской перфектной форме функционально: обе формы широко употребительны в качестве повествовательной формы в фольклоре. С другой стороны, результативно-эвиденциальная форма ближе к эвенской перфектной форме в морфологическом отношении: у обеих форм личный показатель в формах 3-го лица отсутствует. То, что распространение формы на *-ча* в западных говорах обусловлено внешним влиянием, находит дальнейшее подтверждение в многочисленных интерферентных явлениях в (фонологии и морфосинтаксисе) западно-эвенских говоров.

2.2. ЭВЕНКИЙСКИЙ ЯЗЫК

2.2.1. Перфект в видо-временной системе. Эвенкийскую видо-временную систему отличают от эвенской, в частности, следующие особенности (ср. [Константинова 1964: 171–180; И. Недялков 1992: 165 и сл.]). Во-первых, в эвенкийском языке не получил развития имперфект на *-ри-*, который сохранил свою причастную природу. Во-вторых, аорист на *-ра-* был вытеснен в сферу недавнопрошедшего времени за счет грамматикализации сочетания прогрессива (длительного вида) на *-дя-* и аориста, приведшей к образованию новой формы настоящего времени на *-дьяра-*. Этот семантический сдвиг наиболее очевиден при сопоставлении значения форм аориста от стативов в эвенском и эвенкийском языках: эвенские стативы относят действие в план настоящего, а эвенкийские – в план недавнего прошлого, ср. эвенк. *сонго-ро-н* ‘(он) только что (по)плакал’ с вышеприведенным эвенским *хонг-ра-н* ‘он плачет’.

Таким образом, основные временные формы (помимо будущего, а также периферийных форм прошедшего времени, таких, как прошедшее обычное на *-нки-*) – это недавнопрошедшее на *-ра-* и (давно)прошедшее на *-ча*. Согласно И.В. Недялкову [И. Недялков 1992: 170], основными значениями эвенкийской формы на *-ча* являются перфектное и общефактическое. Результативное значение, напротив, по-видимому, нехарактерно для эвенкийского перфекта: только перфект пассива регулярно выражает результативное значение [И. Недялков, В. Недялков 1983: 132]⁵.

Примечательно, что эвенкийский перфект в ряде отношений более граммати-

⁵ Впрочем, в эвенкийских фольклорных текстах встречаются отдельные результативные употребления перфектной формы с объектной диатезой; ср. *Гарпа-ча бихим!* ‘Подстрелен я!’ [Василевич 1936: 78].

кализован по сравнению с эвенским. Так, в отличие от эвенской формы, он способен непосредственно (без помощи вспомогательного глагола) оформляться личными показателями. В дистрибутивном отношении это наиболее частотная форма прошедшего времени в диалогах [И. Недялков 1992]. В семантическом отношении ее грамматикализованность проявляется в том, что перфектная форма не ограничена контекстами, предполагающими актуальность прошедшего действия для плана настоящего. Так, в отличие от эвенского эвенкийский перфект может употребляться в контекстах "аннулированного состояния", когда результат глагольного действия был отменен одним из последующих действий [И. Недялков 1992: 171]. В эвенском языке в этих контекстах возможен только имперфект.

По наблюдениям И.В. Недялкова [И. Недялков 1992: 171] у эвенкийского перфекта возможны и эвиденциальные импликации: употребление аориста (недавно-прошедшего) обычно предполагает засвидетельствованность события, в то время как перфект коррелирует со значением незасвидетельствованности; ср. соотв. (5а) и (5б):

(5) а. *Эни эмэ-рэ-н*

мама.ИМ прийти-АОР-ЗЕД
"Мама только что пришла".

б. *Эни эмэ-чэ-н*

мама.ИМ прийти-ПЕРФ-ЗЕД
"Мама (говорят) пришла".

Тем не менее очевидно, что эвиденциальность не является основной функцией этих форм, поскольку аорист не ограничен обозначением засвидетельствованных событий, а перфект (в большинстве диалектов, см. ниже) свободно употребляется в 1-м л. Далее, эвиденциальная оппозиция между этими формами наблюдается только по отношению к плану недавнего прошлого, в других случаях возможна только перфектная форма.

2.3. ДРУГИЕ СЕВЕРО-ТУНГУССКИЕ ЯЗЫКИ

В отношении грамматикализованности перфектной формы другие северо-тунгусские языки – негидальский и солонский – занимают промежуточное положение между (более консервативным) эвенским и эвенкийским. Так, в негидальском языке форма на *-ча* имеет два различные предикативные употребления, используясь либо как неспрягаемое причастие, либо как (спрягаемый) глагол. Примечательно, что различная грамматикализованность этих форм в формальном отношении коррелирует с различной степенью их семантической обобщённости: согласно В.И. Цинциус [Цинциус 1982: 34], в первом употреблении форма на *-ча* имеет значение перфекта (у В.И. Цинциус "прошедшее результативное"), во втором – претерита (немаркированного прошедшего). В солонском формы 1-го и 2-го лица перфекта более грамматикализованы, поскольку оформляются личными показателями, в то время как формы 3-х лиц не спрягаются и тем самым сохраняют свою причастную природу. Последнее обстоятельство можно объяснить влиянием монгольских языков на солонский.

2.4. ВЫВОДЫ

Предполагаемую эволюцию северо-тунгусского перфекта схематически можно представить так:

РЕЗ > ПЕРФ > ПРОШ (эвенкийский)

ПЕРФ > Эвид > ПРОШЕдшее Повествовательное (западно-эвенские говоры)

Согласно этой схеме общая линия семантической эволюции формы на *-ча* идёт от статального к акциональному и эвиденциальному перфекту и далее к значению общепрошедшего времени. Этот путь развития перфекта является одной из известных функциональных универсалий (см. [Comrie 1976; Bybee, Perkins, Pagliuca 1994; Johanson 1998]). По свидетельству Ю.С. Маслова [Маслов 1983], в индо-европейских языках

этот путь развития циклически повторялся до трёх раз. Дополнительные свидетельства в пользу этапов развития могут быть почерпнуты и из северо-тунгусских языков.

То, что первоначальным значением перфектной формы было результиativное, видно из её диатезных характеристик⁶. Так, в эвенском (как и в других тунгусских языках) перфектная форма, образованная от интранзитивов, имеет субъектную ориентацию: субъект результиativной формы совпадает с субъектом исходного глагола (ср., напр., *чэлгэм-чэ* 'сломан' от *чэлгэм* - 'сломаться' в (2)). Напротив, образуясь от транзитивов результиativы в восточно-эвенских говорах имеют объектную ("пассивную") ориентацию: субъект результиativной формы совпадает с объектом исходного глагола (ср., напр., *хѳки-чэ* 'вспорот' от *хѳки* - 'вспороть' в (2)). То же наблюдается и в некоторых других тунгусских языках, сохранивших продуктивный перфект на *-ча*. Так, в орочском и удэгейском, которые в ряде отношений обнаруживают промежуточный статус между северо- и южно-тунгусскими языками, перфектное причастие на *-ча* (в удэгейском *-са*) традиционно характеризуется как "пассивное" (см. [Суник 1962: 220–235; Болдырев 1987: 153–159])⁷. Эта диатезная особенность формы на *-ча*, необъяснимая при допущении, что она имеет изначально глагольную природу ("древний претерит" по Г. Дёрферу), находит естественное объяснение в семантике результиativных форм. Как продемонстрировано в работе [В. Недалков, Яхонтов 1983: 16], для результиativных форм в разноструктурных языках характерен "эргативный синдром": образуясь от интранзитивов, они имеют субъектную ориентацию, от транзитивов – чаще объектную. Функциональное объяснение этой диатезной особенности результиativов было предложено Б. Комри [Comrie 1981]: переходное действие, как правило, в большей степени затрагивает состояние объекта, чем субъекта (так, действие 'открыть' очевидным образом меняет состояние открываемого объекта, но не открывающего субъекта, отсюда объектная ориентация у результиativов типа русского *открыт*). Всё это, как представляется, свидетельствует о том, что основная линия эволюции перфектной формы в северо-тунгусских языках (а, возможно, и в тунгусских языках в целом)⁸ идёт от статального к акциональному перфекту, а распространённое в тунгусоведении представление, что статальное употребление формы на *-ча* всегда является результатом их конверсии в прилагательное/существительное, является односторонним⁹.

Эволюция агентивной диатезной ориентации (субъект результиativной формы совпадает с субъектом исходного транзитива) у формы на *-ча* в большинстве северо-тунгусских говоров очевидным образом связана с грамматикализацией этой причастной формы и её втягиванием в парадигму финитного глагола. Неслучайно, что эвенкийские перфектные формы, которые более грамматикализованы по сравнению с эвенскими, имеют, как правило, агентивную, а не объектную ориентацию. Дальнейшая ступень эволюции перфекта в форму прошедшего времени документально засвидетельствована материалами эвенкийского языка. По данным Л.М. Гореловой [Горелова 1979: 105–107], в современном "литературном" эвенкийском языке форма на

⁶ Под диатезой в соответствии с концепцией Ленинградской/Санкт-Петербургской Типологической Школы понимается соответствие единиц семантического (субъект и объекты) и синтаксического (подлежащее и дополнения) уровней, под залогом понимается маркирование диатезы при помощи (глагольной) морфологии; см. [Холодович 1974; Храковский 1974].

⁷ Б.В. Болдырев [Болдырев 1987: 154] на этом основании даже предположил, что перфектная форма исторически включала пассивный показатель, что сомнительно как в фонетическом отношении, так и ввиду того, что формы на *-ча* регулярно образуются от интранзитивов.

⁸ Вопрос о первоначальной функции формы на *-ча* в общетунгусском выходит за рамки настоящей статьи. Решение этого вопроса будет во многом зависеть от установления правомерности исторического сближения северо-тунгусского перфекта с внешне сходными показателями южно-тунгусских неправильных глаголов – алломорфом перфектного причастия – *чи(н)* и прошедшего времени *-ча*.

⁹ Согласно А.М. Щербаку [Щербак 1981: 94] аналогичную эволюцию – из статального в акциональный и эвиденциальный перфект – претерпели тюркские перфектные формы на *-ган* и *-мын*.

-ча более употребительна по сравнению с языком фольклорных памятников, который представляет консервативную норму: их процент от общего количества финитно-глагольных форм составляет 27,6% и 6,5%, соответственно. Таким образом, в современном эвенкийском языке наблюдаются последние стадии развития перфектного причастия в форму собственно глагольную.

Материал тунгусских языков показывает, что факторы, способствующие появлению эвиденциального значения у перфектных форм, отчасти являются внутриязыковыми (структурными), отчасти же обусловлены языковыми контактами. Основной структурной предпосылкой для становления эвиденциального значения у формы с исходно результативным значением является наличие граммы прошедшего времени в структуре временной парадигмы. Так, в эвенском языке эвиденциальное значение более конвенционализировано (является частью семантики глагольной формы) за счёт оппозиции с формой имперфекта на *-ри-*. Если же в языке форма прошедшего времени отсутствует, как это имеет место в эвенкийском, то перфект развивает значение немаркированного прошедшего. Напомню, что в эвенкийском языке эвиденциальное значение представляет собой один из контекстных вариантов значения перфектной формы, а оппозиция аориста и имперфекта может быть интерпретирована эвиденциально только по отношению к плану недавнего прошлого.

Примечательно, что те эвенкийские говоры, в которых представлена форма прошедшего времени на *-ри-*, обнаруживают эвиденциальную оппозицию между незасвидетельствованным перфектом и засвидетельствованным имперфектом подобную той, которая описана для эвенского языка (ср. материалы А.Н. Мыреевой по аяно-майскому и томмотскому говорам). Особенно показателен в этом отношении томмотский говор, в котором, согласно А.Н. Мыреевой [Мыреева 1962: 75], форма на *-ча* выражает незасвидетельствованность и потому имеет дефектную парадигму: она не употребляется с формами 1-х л., которые несовместимы со значением незасвидетельствованности.

Влияние языковых контактов на развитие эвиденциального значения у перфектной формы наиболее очевидно на примере западно-эвенских говоров, подвергшихся влиянию якутского языка. Заслуживает дальнейшего изучения роль внешних факторов в формировании сходной эвиденциальной оппозиции между глагольной (спрягаемой) и причастной (неспрягаемой) формами на *-ча*, как это наблюдается в отдельных эвенкийских говорах Якутии (ср. описание А.В. Романовой семантики этих форм в токкинском говоре [Романова 1962: 32]).

3. ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ И АФФИРМАТИВНОСТЬ В ЮЖНО-ТУНГУССКИХ ЯЗЫКАХ

Хотя южно-тунгусский перфект на *-ха(н)*, по-видимому, генетически не связан с северо-тунгусской формой на *-ча*¹⁰, есть основания утверждать, что эти формы претерпели сходную семантическую эволюцию. В частности, в ходе семантической эволюции формы на *-хан* также развивают значение неочевидности, как это было впервые установлено на материале тунгусских языков для удэгейского Е.Р. Шнейдером [Шнейдер 1936: 118].

Южно-тунгусские языки сохраняют оппозицию между двумя рядами предикативных форм – глагольными формами (старая формация) и причастными (новая формация) – в разной степени. В отличие от северо-тунгусских языков, в южно-тунгусских противо-

¹⁰ По мнению В.И. Цинциус [Цинциус 1949: 211] северо-тунгусская перфектная форма на *-ча* и южно-тунгусская на *-хан* единого происхождения. Й. Бенцинг [Benzing 1955: 138] считает это сближение сомнительным ввиду наличия в южно-тунгусских языках омертвевших именных образований на *-ча*, а также сослагательного наклонения на *-мча* (генетически связанного с перфектом). И.В. Кормушин [Кормушин 1984: 58] вслед за Й. Бенцингом считает южно-тунгусскую перфектную парадигму гетероклитичной, рассматривая только алломорфы на *-чи(н)* у неправильных глаголов в качестве родственных северо-тунгусским формам.

поставление двух рядов предикативных форм менее чёткое, за счет того, что в последних причастные формы (наряду с другими именами) обнаруживают способность принимать личные показатели без посредства связочного глагола. С другой стороны, некоторые из южно-тунгусских языков (нанайский, удэгейский) сохранили собственно глагольные формы прошедшего времени.

3.1. НАНАЙСКИЙ ЯЗЫК

Среди южно-тунгусских языков нанайский является наиболее консервативным в том отношении, что он сохранил оппозицию глагольных и причастных форм во всех временах (прошедшем, настоящем и будущем), в то время как в других языках глагольный индикатив в некоторых временах был утрачен. В парадигме настоящего времени эта оппозиция обнаруживает себя в противопоставлении причастия на *-ри-* и глагольной формы на *-ра(н)-*, в плане прошедшего времени – в противопоставлении причастного прошедшего на *-хан-* и глагольного прошедшего на *-ка-*.

Согласно В.А. Аврорину [Аврорин 1961: 100–101], в видо-временной системе нанайского языка причастные формы противопоставлены глагольным в модальном отношении. Причастные формы являются, по наблюдениям В.А. Аврорина, более частотными и нейтральными в модальном отношении, а потому характеризуются им как формы изъявительные [Аврорин 1961: 9]. Глагольные формы, напротив, имеют явно выраженную модальную семантику, категорически утверждая истинность пропозиции, и потому квалифицируются как формы особого "утвердительного" наклонения [Аврорин 1961: 101].

Иными словами, в системе нанайских видо-временных форм глагольные формы противопоставлены причастным как "маркированный" член (привативной) оппозиции "немаркированному". В то же время их маркированность будет различной в различных участках глагольной парадигмы. Подробное обсуждение значения и употребления форм "утвердительного" наклонения В.А. Аврориным [Аврорин 1961: 104–107] может быть обобщено в виде следующей иерархии маркированности, включающей несколько частных иерархий (см. схему 1).

Иерархии маркированности в парадигме нанайского (глагольного) индикатива

Иерархия лица: 1 > 2 > 3
 Иерархия числа: ЕД > МН
 Иерархия времен: НАСТ > ПРОШ
 <- - - - - частотность
 - - - - - > эмфаза

Схема 1.

Как явствует из схемы 1, формы 1-х лиц являются наименее маркированными в системе нанайских глагольных форм (см. Иерархия лица). Они являются наиболее употребительными и имеют наименьшую модальную окрашенность, являясь близкими синонимами их причастных эквивалентов (ср. формы настоящего времени в (6)). Глагольные формы 3-х л., напротив, в высшей степени маркированы и преимущественно ограничены эмфатическими контекстами, такими, как в (7б).

(6) а. <i>Ми ун-ди-и</i>
я.ИМ сказать–ПРЕЗ.ПРИЧ–
1ЕД
"Я говорю"	б. <i>Ми ун-дэм. би</i>
я.ИМ сказать–НАСТ.1ЕД
"Я (же) говорю"
(7) а. <i>Нёани ун-ди-ни</i>
он.ИМ сказать–ПРЕЗ.ПРИЧ–
1ЕД
"Он(а) говорит"	б. <i>Хай эрдэнгэ-вэ-ни бара?!
что интересный–ВИН–3ЕД найти.
НАСТ.3ЕД
"Что интересного он там нашел?!"</i>

Сходные противопоставления обнаруживаются и в плане прошедшего времени с поправкой на то, что глагольные формы прошедшего, в целом, менее употребительны по сравнению с глагольными формами настоящего (ср. Иерархия времен на схеме 1). В особенности это относится к формам 3-х л. см. (9б), которые, по свидетельству самого В.А. Аврорина [Аврорин 1961: 107], были первоначально выявлены при помощи информантов. Таким образом, в нанайском перфектное причастие выступает в функции немаркированного прошедшего (претерита), а глагольное прошедшее является маркированным.

(8) а. <i>Ми ун-ким.би</i>
я.ИМ сказать–ПЕРФ.ПРИЧ.–
1ЕД
"Я сказал". | б. <i>Ми ун-кэ-и</i>
я.ИМ сказать–ПРОШ–1ЕД

"Я (же) сказал". |
| (9) а. <i>Нёани ун-ки-ни</i>
он(а).ИМ сказать–ПЕРФ.ПРИЧ.–
3ЕД
"Он(а) сказал(а)". | б. <i>Эси=лэ до-си элэ-кэ=тэни?!</i>
сейчас=ЧАСТ душа–2ЕД напол-
ниться–ПРОШ. 3ЕД=ЧАСТ
"Ну теперь твоя душа довольна?!" |

В семантическом отношении нанайские глагольные формы отличает от индикативных форм (причастного индикатива в нанайском языке и немаркированного индикатива в других языках) то, что они в большей степени предполагают истинность утверждаемого суждения. Так, нанайские глагольные формы, в отличие от причастных, не могут комбинироваться с показателями гипотетичности типа *бидерэ* 'возможно' (Л.Ж. Заксор, устное сообщение). Показательна также семантика форм "утвердительного" наклонения, употребляющихся в составе вопросительных высказываний. Как видно из вышеприведенных примеров (см. (9б)), иллюкутивной функцией (обще)вопросительных предложений является риторический вопрос, утверждающий, а не ставящий под сомнение истинность пропозиции.

Иерархия маркированности глагольных форм (в особенности, Иерархия лица) находит подтверждение и в материалах других южно-тунгусских языков. Маркированность отдельных причастных форм также определяется этой иерархией постольку, поскольку причастные формы 3-х лиц являются наиболее употребительными и, соответственно, наименее маркированными. Показательно, что именно эти формы первыми утверждают себя в составе временной парадигмы (ср. гетероклитические парадигмы в солонском и удэгейском языках).

3.2. УЛЬЧСКИЙ ЯЗЫК

В ульчском языке, близкородственном нанайскому, противопоставление двух рядов предикативных форм ограничено формами настоящего времени, что можно связывать с действием Иерархии времен (см. схему 1), обнаруживающей себя и в нанайском языке. Судя по материалам О.П. Суника [Суник 1985], ситуация оказывается сходной с нанайским и в том отношении, что формы глагольного настоящего имеют оттенок категорического утверждения и преимущественно употребляются в формах 1-х лиц.

3.3. УДЭГЕЙСКИЙ ЯЗЫК

В отличие от ульчского, который сохранил оппозицию двух рядов предикативных форм в настоящем времени, в удэгейском языке это противопоставление ограничено планом прошедшего времени. В настоящем времени парадигма является гетероклитичной (и строится в соответствии с Иерархией лица): формы 1/2-х лиц образованы от глаголов, а формы 3-х лиц являются причастными.

Согласно автору первого грамматического очерка удэгейского языка, Е.Р. Шнейдеру [Шнейдер 1936], прошедшее 1 (причастное прошедшее) имеет значение неочевидности, а прошедшее 2 (глагольное прошедшее) используется как форма засвидетельствованности.

(10) а. Нуа бу-һэ-ни
он.ИМ дать–ПЕРФ.ПРИЧ–
ЗЕД
"Он (говорят) отдал".	б. Нуа бу-гэ
он.ИМ дать–ПРОШ.ЗЕД
"Он (же) отдал".
(11) а. Би бу-һ-э-ми
я.ИМ дать–ПЕРФ.ПРИЧ–1ЕД
"Я отдал".	б. Би бу-гэ-и
я.ИМ дать–ПРОШ–1ЕД
"Я (же) отдал".

Тем не менее, различия в описании соответствующих нанайских и удэгейских видо-временных форм кажутся отчасти терминологическими. Во-первых, как отмечает сам Е.Р. Шнейдер, причастное прошедшее, вопреки ожиданиям, способно употребляться в формах 1-х лиц, а соответствующие формы 1-го л. глагольного прошедшего имеют оттенок эмфатического утверждения и употребляются, когда "говорящий хочет подчеркнуть факт совершения (или несовершения) им действия" [Шнейдер 1936: 118–119].

Во-вторых, по наблюдениям А.Х. Гирфановой [Гирфанова 1988: 10, 14] причастное прошедшее используется в качестве повествовательной формы чаще глагольного, а в диаголах может употребляться и при описании событий, засвидетельствованных говорящим. Итак, перфектное причастие в удэгейском языке, как и в нанайском, является немаркированным членом временной парадигмы.

Другими значениями форм прошедшего времени являются следующие (см. [Гирфанова 1988: 10, 13]): обе формы могут быть употреблены в общефактическом значении, причастное прошедшее используется также в значении перфекта, а глагольное прошедшее – в функции имперфекта.

3.4. ДРУГИЕ ЮЖНО-ТУНГУССКИЕ ЯЗЫКИ

В других южно-тунгусских языках – орокском и, по всей вероятности, ороческом – ряд глагольных времен был полностью замещен причастными формами новой формации.

3.5. ВЫВОДЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ВИДО-ВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ В ЮЖНО-ТУНГУССКИХ ЯЗЫКАХ

Соотношение двух рядов предикативных форм – глагольных и причастных – в южно-тунгусских языках в обобщенном виде представлено в следующей таблице:

	настоящее		прошедшее	
	глагольная	причастная	глагольная	причастная
нанайский	+(утверд.)	+(индик.)	+(утверд.)	+(индик.)
ульчский	+(утверд.)	+(индик.)	–	+
удэгейский	(+)(1, 2 л.)	(+)(3-е л.)	+(засвид.)	+(пересказ.– индик.)
орочский	?	+	?	+
орокский	–	+	–	+

Предполагается, что эволюция южно-тунгусского перфектного причастия (и сопутствующая ей эволюция глагольного прошедшего) проходила таким образом, как это представлено на схеме 2.

Эволюция видо-временной системы (пр.вр) в южно-тунгусских языках

1-й этап (РЕЗ)	>	2-й этап ПЕРФ/Незасвид	>	3-й этап Претерит	>	4-й этап ПРОШедшее
ПРОШедшее	>	Имперф/Засвид	>	Утверд.	>	Ø
		удэгейский		нанайский		орокский

Схема 2.

Итак, общее направление эволюции видо-временной системы определяется постепенным вытеснением собственно глагольных форм формами причастными. Причем если первые в ходе этой эволюции подвергаются грамматикализации, то вторые, наоборот, специализации. Таким образом, появление модальных значений у глагольных форм представляет собой достаточно позднее явление, обусловленное превращением форм из немаркированного члена оппозиции в маркированный (а не представляет собой реликт исходного значения, как полагал Й. Бенцинг [Benzing 1955: 141], квалифицируя форму на *-ка-* как древний плюсквамперфект). Как видно из схемы 2, отдельные южно-тунгусские языки соотносятся с различными этапами эволюции видо-временной системы. При том, что первая стадия не представлена современным состоянием южно-тунгусских языков, удэгейский язык представляет собой наибольшее приближение к второму этапу, характеризующемуся оппозицией перфекта со значением неочевидности и имперфекта со значением засвидетельствованности. Третий этап с противопоставлением причастного претерита (немаркированного прошедшего) и прошедшего "утвердительного" представлен в нанайском языке. Наконец, четвертый этап с утратой собственно глагольных форм прошедшего времени в результате экспансии причастного перфекта наблюдается в орокском (и ороцком).

Как явствует из предыдущего обсуждения, различия в семантическом статусе оппозиций в отдельных южно-тунгусских языках носят отчасти терминологический характер. С одной стороны, причастное прошедшее в удэгейском языке не является прототипической формой прошедшего неочевидного, поскольку обнаруживает развитие в форму немаркированного прошедшего. Соответственно, соотносительная глагольная форма прошедшего засвидетельствованного является маркированной и тем самым близка к (эмфатическому) аффирмативу. С другой стороны, нанайский (а также ульчский) аффирматив сохраняет близость к формам засвидетельствованности, поскольку обнаруживает преобладание форм 1-х лиц. Иначе говоря, я рассматриваю преобладание форм 1-х лиц у нанайского аффирматива как пережиток эвиденциальной системы¹¹, которая, в отличие от аффирмативной, обнаруживает явную корреляцию с категорией лица. Итак, видо-временные системы в удэгейском и нанайском обнаруживают переходный характер: удэгейская форма засвидетельствованного прошедшего развила некоторые аффирмативные оттенки, а нанайское "утвердительное наклонение" сохраняет определенные признаки эвиденциальной формы.

4. ТУНГУССКИЕ ЯЗЫКИ И МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

В заключение рассмотрим тунгусские данные в связи с некоторыми гипотезами о путях функциональной эволюции, предложенными в работе [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994]. Как следует из вышеизложенного, данные тунгусских языков, в целом¹²,

¹¹ В.А. Аврорин [Аврорин 1961: 106] объяснял ограниченную употребительность форм 3-х лиц настоящего времени их совпадением с формами разновременного дееспричастия на *-ра*. Это, однако, не объясняет маргинальность форм 3-го л. прошедшего времени, которые не обнаруживают подобной омонимии.

¹² Сказанное справедливо и по отношению к маньчжурскому языку, где формы прошедшего времени на *-ха.би*, *-мби-ха*, *-мби.ха.би* генетически связаны с показателем южно-тунгусского перфекта на *-ха(н)*.

подтверждают универсальность эволюционного пути, ведущего от результата к (акциональному и эвиденциальному) перфекту и далее к форме (немаркированного) прошедшего, который Д. Байби, Р. Пэркинс и В. Пальюка предлагают считать одной из универсалий семантического развития. Примечательно, что в южно-тунгусских языках эта эволюция сопровождается процессом постепенного вытеснения "старого" индикатива в формы засвидетельствованности и далее в формы категорического утверждения, который хуже документирован в типологической литературе. Таким образом, в целом, сценарий появления и утраты эвиденциального значения у тунгусских перфектных форм косвенным образом подтверждает и более общую гипотезу, предложенную в [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994], относительно однонаправленности в развитии граммем (противоположный путь развития, ведущий от претеритального значения к перфектному, или от перфекта к результату, представляется маловероятным).

Возникает вопрос о механизмах семантических изменений, сопровождающих эволюцию перфектной формы. Подобная эволюция перфекта в типологической литературе обычно рассматривается как следствие грамматикализации, что приводит к обеднению семантики перфектной формы и обобщению ее значения (ср. работы [Traugott, König 1991; Bybee, Perkins, Pagliuca 1994], посвященные механизмам языковых изменений в ходе процессов грамматикализации). Второй, во многом противоположный, процесс, который приводит к специализации значения формы, насколько мне известно, не рассматривался в типологической литературе. Как представляется, процесс развития у "старого" индикатива значения категорического утверждения можно описать как "конвенционализацию" (т.е. придание статуса компонента значения) изначально прагматическому компоненту. Как известно, индикативные формы часто (хотя, разумеется, не всегда) используются с иллюкутивной функцией утверждения (истинности) пропозиции Р. Компонент 'Я знаю, что Р' входит в условие успешности (точнее – в условие искренности, по Г.П. Грайсу) речевого акта утверждения. Вместе с тем он, очевидно, не составляет часть значения индикативных форм, поскольку последние свободно употребляются в контексте вопроса, предположения и т.д. В ходе эволюции южно-тунгусских индикативных форм этот прагматический компонент становится частью их грамматического значения. В этом отношении их семантическое развитие напоминает "конвенционализацию имплицатур" (conventionalization of implicatures), которую в работе [Traugott, König 1991] предлагается считать одним из механизмов функциональной эволюции (ср. [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994]). Э. Траугот и Э. Кёниг иллюстрируют действие этого механизма на примере эволюции временных союзов, которые в разноструктурных языках обнаруживают тенденцию развивать значение обусловленности (причинное у союзов со значением предшествования и уступительное у союзов со значением одновременности; ср. например, англ. *since* и *while*). Предполагается, что на более ранних этапах языкового развития эти значения обусловленности представляли собой правдоподобные умозаключения, извлекаемые слушающим из употребления временных союзов в определенных контекстах. Наши материалы показывают, что возможны и другие случаи функциональной эволюции за счет превращения прагматических компонентов значения в семантические. Необходимы дальнейшие типологические исследования для того, чтобы установить, в какой степени развитие значения засвидетельствованности и аффирмативного значения у индикативных форм по мере повышения их маркированности представляет собой универсальную тенденцию, а в какой зависит от сопутствующей семантической эволюции перфектной формы¹³. Тем не менее, очевидно, что развитие у "старого"

¹³ Примечательно, что в балкано-славянских языках наблюдается во многом сходная перестройка видо-временной системы. Перфектная форма причастного происхождения развивает значение прошедшего неопределенного (незасвидетельствованного) и эволюционирует в немаркированное прошедшее, а глагольное "прошедшее определенное" развивает значение засвидетельствованности и аффирмативности. По свидетельству В. Фридмана [Friedman 1986] прошедшее определенное не может употребляться в "антиаффирмативных" контекстах (типа 'я сомневаюсь, что...').

глагольного индикатива в южно-тунгусских языках аффирмативного значения не может рассматриваться как следствие эволюции перфекта, поскольку это развитие не ограничивается планом прошедших времен (ср. эволюцию настоящего аффирмативного в нанайском и ульчском языках).

В отличие от гипотезы об однонаправленности функциональной эволюции, другая из предложенных в работе [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994] гипотез – гипотеза "субстанциональной детерминированности" – представляется более спорной. Гипотеза "субстанциональной детерминированности", по существу, предсказывает, что граммема X (в составе конструкции Y) будет следовать данному пути функциональной эволюции вне зависимости от структуры грамматической категории, которая их интегрирует. Так, согласно этой гипотезе комбинация глаголов движения с показателями приближения (ср. англ. *(is) going to*) при грамматикализации всегда эволюционирует в показатель будущего времени вне зависимости от наличия/состава специализированных форм будущего во временной парадигме. Представляется, что данная гипотеза несколько упрощает факты. Как показывают материалы тунгусских языков (эвенского, а также южно-тунгусских), одним из основных факторов, способствующих развитию эвиденциального значения у перфектной формы, является наличие еще одной формы прошедшего времени в составе видо-временной парадигмы. Собственно говоря, подобные примеры встречаются и в материалах, обсуждаемых в [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994]. Так, сами авторы указывают, что эволюция перфекта в форму прошедшего совершенного (ср. форму *Passé Composé* во французском) или в форму немаркированного прошедшего (как, например, в немецком) зависит от наличия имперфекта в видо-временной системе. Вообще говоря, можно предположить, что во всех случаях, когда эволюционные пути граммем "ветвятся", выбор пути зависит в конечном счете от структуры грамматической категории, которые интегрируют эти граммемы. Иными словами, по-видимому, "субстанциональный" подход к семантической эволюции, исходящий из значения исходной формы/конструкции, и структурный подход, апеллирующий к системным связям граммемы в составе данной грамматической категории, являются взаимодополнительными (ср. [Johanson 1998]).

Наконец, несколько односторонними кажутся и представления авторов о движущей силе подобной семантической эволюции. В отличие от Д. Байби, Р. Пэркинса и В. Пальюка [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994], которые во всех случаях эволюции видят спонтанное развитие, обусловленное универсальными механизмами семантических изменений (путем метафорического переноса, семантического обобщения и т.д.), эволюция тунгусского результата мне представляется побочным продуктом более общего процесса замещения глагольных форм формами именного происхождения с их последующим оглаголиванием¹⁴. В ходе эволюции результатив все более вербализуется через стадию перфекта со значением неочевидности, а изначально индикативная форма вытесняется из употребления. Как кажется, современные исследования перфекта-результатива в типологическом и функционально-диахроническом (ср., соответственно, [В. Недялков и Яхонтов 1983] и [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994]) аспектах недостаточно учитывают изменения в грамматическом статусе результативных форм, сопутствующие этой эволюции. Между тем материал тунгусских языков показывает, что эти изменения в семантике результата вызваны акциональной реинтерпретацией изначально атрибутивных и, следовательно, стативных форм.

¹⁴ Этот процесс, разумеется, не ограничивается тунгусскими языками. Как и развитие эвиденциального значения у перфекта, он является одной из Евразийских изоглосс и представлен в других "алтайских" (тюркских, монгольских), а также в палеоазиатских языках: чукотско-камчатских (ср., напр., чукотские формы настоящего 2 и прошедшего 2 причастного происхождения), нивхском (ср. предикативную форму на -*δ* именного происхождения), юкагирском (ср. отричастную форму непереходного глагола на -*й(э)* и глагольное имя на -*л*, используемое в качестве нерематических предикатов). В эскимосско-алеутских языках этот процесс привел к почти полному неразличению имен и глаголов.

- Аврорин В.А. 1961 – Грамматика нанайского языка. 2. М.; Л., 1961.
- Болдырев Б.В. 1987 – Словообразование имен существительных в тунгусо-маньчжурских языках. Новосибирск, 1987.
- Василевич Г.М. 1948 – Очерки диалектов эвенкийского языка. Л., 1948.
- Гирфанова А.Х. 1988 – Индикативные формы глагола в удэгейском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988.
- Горелова Л.М. 1979 – Категория вида в эвенкийском языке. Новосибирск, 1979.
- Дуткин Х.И. 1980 – Умчэгын // Вопросы языка и фольклора народностей севера. Якутск, 1980.
- Козинцева Н.А. 1994 – Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // ВЯ. 1994. № 3.
- Константинова О.А. 1964 – Эвенкийский язык. М.; Л., 1964.
- Кормушин И.В. 1984 – Системы времен глагола в алтайских языках. М., 1984.
- Лебедев В.Д. 1978 – Язык эвенов Якутии. Л., 1978.
- Маслов Ю.С. 1983 – Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций. Л., 1983.
- Недялков В.П., Яхонтов С.Е. 1983 – Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций. Л., 1983.
- Недялков И.В., Недялков В.П. 1983 – Статив, результатив, пассив и перфект в эвенкийском языке // Типология результативных конструкций. Л., 1983.
- Недялков И.В. 1992 – Залог, вид, время в тунгусо-маньчжурских языках. Дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 1992.
- Новикова К.А. 1980 – Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Ч. 2. Л., 1980.
- Роббек В.А. 1982 – Виды глагола в эвенском языке. Л., 1982.
- Романова А.В., Мыреева А.Н. 1962 – Очерки токкинского и томмотского говоров эвенкийского языка. М.; Л., 1962.
- Романова А.В., Мыреева А.Н. 1964 – Очерки учурского, майского и тоттинского говоров эвенкийского языка. М.; Л., 1964.
- Суник О.П. 1962 – Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. Л., 1962.
- Суник О.П. 1985 – Ульский язык: исследования и материалы. Л., 1985.
- Холодович А.А. 1974 – Miscellanea marginaliaque // Типология пассивных конструкций: диатезы и залог. Л., 1974.
- Храковский В.С. 1974 – Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций: диатезы и залог. Л., 1974.
- Цинциус В.И. 1949 – Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.
- Цинциус В.И. 1982 – Негидальский язык. Л., 1982.
- Шнейдер Е.Р. 1936 – Краткий удэгейско-русский словарь. С приложением грамматического справочника. М.; Л., 1936.
- Щербак А.М. 1981 – Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (глагол). Л., 1981.
- ЯГ 1982 – Грамматика современного якутского языка. М., 1982.
- Benzing J. 1955 – Die tungusische Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik // Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Wiesbaden, 1955. № 11.
- Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. 1994 – The evolution of grammar. Chicago, 1994.
- Chafe W., Nichols J. (eds.) 1986 – Evidentiality: the coding of epistemology in language. Norwood, N.J., 1986.
- Comrie B. 1976 – Aspect. Cambridge, 1976.
- Comrie B. 1981 – Aspect and voice: some reflexions on perfect and passive // Tense and aspect. Syntax and semantics, 14. New York, 1981.
- Dörfer G. 1978 – Classification problems of Tungus // Tungusica. V. 1. Wiesbaden, 1978.
- Friedman V. 1986 – Evidentiality in the Balkans: Bulgarian, Macedonian and Albanian // Chafe W., Nichols J. (eds.). Evidentiality: the coding of epistemology in language. Norwood, N.J., 1986.
- Johanson L. 1998 – Viewpoint operators in European languages // Ö. Dahl (ed.) Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin, 1998.
- Traugott E.C., König E. 1991 – The semantics-pragmatics of grammaticalization revisited // E.C. Traugott, B. Heine (eds.) Approaches to grammaticalization. V. 1. Amsterdam / Philadelphia, 1991.
- Willet Th. 1988 – A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality // Studies in Language. 1988. V. 12. № 1.